

Когда тётя выходила замуж, она уже страдала депрессией. Позже, при родах Хуан Инъин у неё открылось сильное кровотечение, из-за чего она больше не могла иметь детей. Под гнётом всех этих невзгод её психика не выдержала: малейшее потрясение вызывало срыв, и она начинала нести несусветную чушь.

Дядя был добрым человеком. Узнав, что детей у них больше не будет, он не проронил ни слова, просто стал растить Инъин как родную дочь. Так эта семья из трёх человек и прожила свою жизнь.

— Кузен! Сегодня утром я видела твоего классного руководителя в школе. Он сказал, что тебя уже приняли в старшую школу «Цзюсян». Судя по твоим оценкам, тебя, скорее всего, зачислят в класс 1-2. Он велел прийти пораньше с документами и всё оформить, не ждать до 1 сентября, когда начнётся учебный год, — передавала Инъин слова учителя Нин Юаню.

— Угу, я знаю. Я приду раньше, — кивнул Нин Юань.

— Может, дядя поможет... — начал было дядя, услышав их разговор, и хотел предложить Нин Юаню сопроводить его, но, вспомнив о своём состоянии, осёкся на полуслове.

Нин Юань успокаивающе улыбнулся дяде:

— Ничего страшного, дядя. Я уже взрослый. Ты не можешь вечно обо мне заботиться, иначе я так ничему и не научусь!

Глаза дяди мгновенно покраснели. Он опустил голову и сдавленно проговорил:

— Хорошо, хорошо! Наш Юань повзрослел и теперь сам может справляться со своими делами! Твоя мама и бабушка были бы очень рады это узнать.

Нин Юаня тоже кольнуло от слов дяди; он не знал, что и сказать. Тут тётя вышла из комнаты Инъин, разложив книги Нин Юаня на письменном столе, и громко, бодрым тоном объявила:

— Почему вы не берётесь за палочки? Разве можно наесться одними глазами? Ну-ка, Юань, это твои любимые баклажаны в остром соусе. Попробуй и скажи, чьи вкуснее — мои или дяди.

Тётя села, и даже не успев как следует устроиться на стуле, уже отправила огромную порцию баклажанов в тарелку Нин Юаня.

Нин Юань подцепил палочками кусочек баклажана, поднес ко рту, сделал вид, что пробует, зачмокал и вдруг с преувеличенным восторгом воскликнул:

— Ой, тётя! Куда ты этого мастера засекретила? Всего несколько дней не ел твоей стряпни, а стало так вкусно! Неудивительно, что ты последнее время на кухне не появлялась — хотела сделать нам сюрприз!

Несуразная гримаса Нин Юаня рассмешила тётю. Сжимая палочки, она хохотала за столом, откидываясь то вперёд, то назад; её радостный смех уносился за окно, и даже мрачное небо, казалось, посветлело.

Инъин тоже не смогла удержаться от улыбки, глядя на двоюродного брата своими красивыми глазами, но при этом пробормотала:

— Фу! Кузен, а у тебя совести нет — такую лесть возводить!

Нин Юань прищурил свои узкие глаза и перевёл взгляд на младшую кузину, собираясь возразить, но тут тётя своим громким голосом перебила её:

— Это ещё что? Я, значит, плохо готовлю? Может, тогда я вообще перестану, а будешь ты? Я буду готовить только для нашего Юаня. Как говорится в пословице: «Женщина украшает себя для того, кто её ценит». Так и я: вкусное — только для тех, кто умеет ценить! А вы тут сами разбирайтесь, кто из вас двоих готовит вкуснее — тот пусть и готовит. Я не привередлива... — Она не успела договорить, как сама расхохоталась.

Невинно пострадавший дядя:

— ...

Инъин что-то пробормотала под нос. Нин Юань наострил уши, пытаясь разобрать слова, но голос тети был слишком громким, и он ничего не расслышал.

Дома и на людях тётя была двумя разными людьми. Глядя на её поведение дома, невозможно было представить, что в обществе она была робкой и неразговорчивой! Наверное, все, кто пережил травму, становятся такими? — размышлял про себя Нин Юань.

Каждый день Нин Юань приходил к дяде на обед, а после ужина садился на последний автобус и возвращался на гору Ян.

Изо дня в день.

Едва небо начинало темнеть, Нин Юань, прижимая к себе книги, прощался с Инъин, которая провожала его до автобусной остановки. Автобус, качаясь, кружил по городу Т большую часть пути, прежде чем свернуть на дорогу к горе Ян. Теперь, если смотреть с горы вниз, весь город Т уже усыпан огнями тысяч домов, и на фоне этого тёмного, всё ещё хранящего отблеск зари мира, это вызывало в душе непередаваемые чувства.

Автобус продолжал шататься в гору. Нин Юань пристально смотрел на огни внизу. Они казались такими тёплыми и в то же время такими холодными. В ушах раздавались крики неизвестных птиц из болот у подножия горы Ян, смешиваясь с кваканьем лягушек и стрекотанием кузнечиков. Нин Юаню вдруг захотелось вернуться в дом дяди. Дом! Где его дом? Есть ли у него дом?

Вздыхнув, Нин Юань заставил себя отвести взгляд и устремил глаза на потолок автобуса. Если судьбы нет, то и думать не стоит, а то будет только больнее...

Скрип! ~~~ Длинный тормозной путь автобуса объявил остановку, где нужно было выходить Нин Юаню. Он поправил тяжёлые книги в объятиях, вышел через заднюю дверь и, дождавшись, когда автобус уедет, направился к воротам жилого комплекса. Не дойдя до них, он остановился. Он увидел, что в одной из комнат на втором этаже третьего по счёту таунхауса зажётся свет...

Неясное, трудноописуемое чувство разлилось в сердце Нин Юаня: то ли радость, то ли печаль, то ноющая боль... Бесчисленные эмоции и ощущения переполнили его, и он сам не понимал, что чувствует. Сделав шаг, он почти побежал, прижимая к себе тяжёлые книги, к своему «дому».

Подбежав ближе, Нин Юань прижал все книги одной рукой к груди, а другой на бегу стал рыться в кармане брюк. Некоторые жители, вышедшие после ужина на прогулку, с

любопытством смотрели на бегущего юношу. Влажный ветер развеивал его слегка отросшие чёлку, та игриво касалась его век и отклонялась назад.

Ещё не добежав, Нин Юань нашёл среди связки ключей ключ от калитки и сжал его в ладони, позволяя поту пропитать металл...

Нин Юань знал, кто зажжёт свет на втором этаже. Это был человек, с которым его ничего не связывало, почти незнакомец, но он не мог сдержать волнение. Его сердце колотилось в груди, словно что-то нашептывало о сокровенном желании.

Поспешно сунув ключ в скважину, Нин Юань, прижимая книги, почти вскачь влетел во двор. Не зная, когда проснётся Янь, он не запер дверь в дом, а просто прикрыл её: если его не будет дома, Янь сможет выйти во двор, подышать воздухом.

Открыв дверь гостиной на первом этаже, Нин Юань бросил книги на деревянный журнальный столик и, не включая свет, в три прыжка преодолел лестницу. Едва показавшись на втором этаже, он увидел Яня, стоящего в коридоре. Свет лился из открытой двери его комнаты, сам же он стоял в темноте, и этот свет за его спиной казался бесконечным искушением.

Иди туда, иди туда, там тебя ждут...

Кто-то встречал его дома! Глаза Нин Юаня наполнились слезами. С тех пор как он уехал в город У, он был одинок. Он думал, что Ци Юнь станет тем, кто заставит его хотеть вернуться домой и будет ждать его возвращения.

Но реальность ударила его звонкой пощёчиной, оглушив его так, что он до самой смерти не мог найти пути к выходу.

Не в силах сдержать душевное волнение, Нин Юань бросился к тому, чьего лица не мог разглядеть!

Кто бы ты ни был!

Спасибо тебе за то, что ты зажжёт огонёк, ожидая моего возвращения...

<http://bllate.org/book/16450/1492102>